

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Эдуардъ Шаваннь.

Некрологъ.

(Читанъ академиками В. В. Бартольдъ и С. Ф. Ольденбургъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 20 (7) ноября 1918 года)*.

29 января 1918 г. наступило время вѣчнаго отдыха для «неутомимѣйшаго изъ синологовъ», какъ называлъ Эдуарда Шаванна нѣмецкій профессоръ синологіи Отто Франке¹. По счастливому стеченію обстоятельствъ неутомимѣйшій изъ синологовъ былъ въ то же время, по выраженію того же ученаго², самымъ выдающимся синологомъ нашего времени, самымъ блестящимъ представителемъ той плеяды ученыхъ, которыми въ началѣ XX вѣка, какъ съ полнымъ правомъ было заявлено въ 1909 г. въ засѣданіи одного изъ парижскихъ ученыхъ обществъ, синологія была сдѣлана французской наукой по преимуществу³. Покойный Шаваннь былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ ученыхъ, къ дѣятельности которыхъ не подходятъ извѣстныя слова о multum и multa, которымъ плодovitость не мѣшаетъ въ каждой новой работѣ обогащать науку цѣнными матеріалами и выводами.

Шаваннь, родившійся 5 октября 1865 г. въ Лионѣ и окончившій курсъ École Normale Supérieure, впервые выступилъ въ ученое мѣръ въ 1890 г. съ переводомъ трактата о жертвоприношеніяхъ Фынъ и Шанъ изъ «Историческихъ записокъ» Сы-ма-цзя; переводъ, съ подробнымъ введеніемъ и комментариемъ, былъ напечатанъ въ журналѣ Пекинскаго восточнаго общества⁴

* Стр. 1767—1777 принадлежатъ В. В. Бартольду, 1777—1782 С. Ф. Ольденбургу.

¹ Mitt. des Orient. Seminars, Ostas. Stud., XIII, 354.

² O. Franke, Ostas. Neubildungen, S. 370.

³ Ibid. 371.

⁴ Journal of the Peking Or. Soc., vol. III, Nr. 1: Traité sur les sacrifices Fong et Chan de Se Ma T'sien.

(авторъ въ то время состоялъ при французской миссіи въ Пекинѣ). Уже этой работой вполне опредѣлялись какъ главный предметъ научныхъ интересовъ молодого синолога, такъ и его приемы изслѣдованія. Трудъ Сы-ма-цяня, «отца исторіи въ Китаѣ»¹, положившаго начало достовѣрной историографіи и непрерывному историческому преданію своей страны, естественно сдѣлался исходнымъ пунктомъ изслѣдованій европейскаго синолога, цѣлью котораго было критическое изученіе исторіи Китая, преимущественно его духовной культуры, какъ по письменнымъ источникамъ, такъ и по вещественнымъ памятникамъ. Стараясь отдѣлить въ повѣствованіи Сы-ма-цяня о прошлыхъ вѣкахъ легендарный элементъ отъ достовѣрныхъ извѣстій, Шаваннъ доказываетъ, что достовѣрностью обладаютъ только извѣстія по исторіи удѣла Цинь, такъ какъ только для относящихся къ этому удѣлу источниковъ было сдѣлано исключеніе во время сожженія книгъ при Цинь-ши-хуань-ди². Многое изъ того, что китайскимъ преданіемъ, въ томъ числѣ и самимъ Сы-ма-цянемъ, относится къ глубокой древности, въ дѣйствительности впервые возникло въ эпоху Сы-ма-цяня; сюда принадлежитъ и государственный религиозный культъ въ томъ видѣ, какъ онъ соблюдался при слѣдующихъ династіяхъ вплоть до настоящаго времени. Еще въ III в. до Р. Хр. въ Китаѣ были человѣческія жертвоприношенія; согласно съ обще-шаманскими вѣрованіями, при погребеніи государей дома Цинь убивали ихъ женъ и слугъ,³ чтобы они служили умершему на томъ свѣтѣ. Только во II в. до Р. Хр., при династіи Хань, эти кровавые обычаи были отмѣнены³. Домъ Цинь, впервые установившій въ Китаѣ единодержавіе, объединилъ въ одно цѣлое религиозные обряды разныхъ удѣловъ, и потому можно сказать, что только въ эту эпоху въ Китаѣ была установлена обще-государственная религія⁴. При Ханьской династіи эта религія подверглась преобразованію подъ вліяніемъ философскихъ теорій; пять небесныхъ императоровъ сдѣлались символами пяти міровыхъ стихій; культъ отдѣльныхъ небесныхъ божествъ уступилъ мѣсто культу единаго Неба; то же самое произошло съ культомъ Земли; такимъ образомъ «система дуалистической философіи замѣнила собой вѣрованія древности»⁵. При всѣхъ этихъ перемѣнахъ оставался, однако, неизмѣннымъ основной характеръ китайскихъ религиозныхъ вѣрованій, опредѣлявшійся психо-

¹ Traité, IV.

² Ibid. XII.

³ Ibid. XIV сл.

⁴ Ibid. XIII: En réalité donc c'est avec la dynastie des T'sin que se constitua en Chine une religion de l'empire.

⁵ Ibid. XXX.

логическимъ складомъ китайца, вполне удовлетворявшагося земной жизнью. Религія въ Китаѣ не была создана ни страхомъ, ни мистическимъ идеализмомъ; въ китайскомъ пантеонѣ нѣтъ ни грозныхъ, ни величественныхъ образовъ; боги—тѣ же люди древности, удостоившіеся божескихъ почестей за свои заслуги передъ своими согражданами; всѣ ихъ обязанности сводятся къ обезпеченію земного счастья своихъ почитателей и продолженія этого счастья за гробомъ¹.

Приблизительно тѣ же взгляды развивались Шаванномъ въ его дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Значительное мѣсто въ этихъ изслѣдованіяхъ принадлежало труду Сы-ма-цян'я; этому труду былъ посвященъ одинъ изъ курсовъ, читавшихся имъ въ Collège de France, съ которымъ подробно ознакомилъ русскихъ читателей В. М. Алексѣевъ²; предпринятый, хотя и не оконченный Шаванномъ полный переводъ «Историческихъ записокъ» Сы-ма-цян'я является самой обширной не только изъ его собственныхъ работъ, но вообще изъ работъ европейскихъ синологовъ въ области перевода и толкованія китайскихъ историческихъ текстовъ. Посѣтивъ впоследствии могилу Сы-ма-цян'я, Шаваннъ упоминаетъ, какъ о примѣрѣ «удивительной непрерывности китайской цивилизации»³, о культѣ, который до сихъ поръ воздается отцу китайской исторіографіи, какъ великому человѣку, почти какъ божеству, въ мѣстѣ его рожденія и погребенія, въ провинціи Шэнь-си, къ югу отъ рѣки Вэй, въ уѣздѣ города Хань-чэнъ, въ 40 километрахъ отъ прохода Лунъ-мынь съ его знаменитыми буддійскими изваяніями 5-го и слѣдующихъ вѣковъ.

Шаваннъ отмѣчаетъ, конечно, и отрицательныя стороны, связанныя съ такою непрерывностью культурныхъ традицій. Чрезмѣрное уваженіе къ старости установило въ Китаѣ, по его замѣчанію, своего рода «геронтократію» и дало слишкомъ много вліянія на государственныя дѣла людямъ, которыхъ ихъ преклонный возрастъ дѣлаетъ врагами всякаго новшества, что является одной изъ причинъ «столь враждебнаго отношенія Китая ко всякому прогрессу»⁴. Столь же ясна была для Шаванна скудость идей Конфуція, которому онъ посвятилъ одну изъ своихъ популярныхъ статей⁵. Какъ замѣчаетъ по поводу этой статьи одинъ изъ другихъ французскихъ

¹ Ibid. XXIX.

² Замѣтки объ изученіи Китая въ Англии, Франціи и Германіи (изъ ЖМНП за 1906 г.); отд. отт., стр. 57 сл.

³ Admirable continuité de la civilisation chinoise (T'oung Pao, 2, IX, 511 сл.).

⁴ JA, 9, XIII, 204.

⁵ Confucius, въ Revue de Paris 1903 г., февр., 827—844.

синологовъ, Пельо, никто не видѣлъ бы въ Конфуціи одного изъ великихъ мыслителей человѣчества, если бы не то вліяніе, которое оказываетъ его мысль въ теченіе двадцати четырехъ вѣковъ на четвертую часть населенія земного шара¹. По словамъ Шаванна, вліяніе на судьбу человѣчества оказываютъ не столько представители отвлеченной мысли, сколько тѣ, кто просто говоритъ нерѣшительной толпѣ: «Слѣдуйте за мною, я покажу вамъ хорошій путь»². Путь, указанный конфуціанствомъ, вполнѣ удовлетворилъ китайскій народъ, потому что соответствовалъ его расовымъ свойствамъ; китайцамъ, «столь же рѣзко отличающимся отъ насъ душой, какъ и тѣломъ», нужна была и другая мораль, чѣмъ наша³.

Это мнѣніе, съ научной точки зрѣнія едва ли состоятельное, но раздѣляемое до сихъ поръ многими ориенталистами, притомъ не только синологами⁴, о неизмѣнности расовыхъ свойствъ и ихъ рѣшающемъ вліяніи на судьбу народовъ отразилось также на сужденіяхъ Шаванна о народахъ, имѣвшихъ сношенія съ китайцами. Въ орхонскихъ надписяхъ турецкіе каганы VIII в., по его словамъ, только передали вѣкамъ свою мечту о «звѣрской славѣ»⁵. Махаянистическое направленіе въ буддизмѣ возникло, по его мнѣнію, подъ вліяніемъ расовыхъ свойствъ турокъ, утвердившихся въ мѣстности къ сѣверу отъ Инда⁶. Изъ послѣдняго мнѣнія видно, какъ стремленіе объяснить историческія событія расовыми свойствами народовъ приводило къ преждевременному рѣшенію вопроса о принадлежности опредѣленнаго народа къ той или иной расѣ. Въ одной изъ своихъ статей Шаваннъ едва ли удачно старается доказать турецкое происхожденіе такъ называемаго животнаго цикла; турками же этотъ циклъ, по его мнѣнію, былъ принесенъ въ долину Нила, притомъ еще въ древности. Предвидя возраженіе, что нѣкоторые изъ животныхъ цикла, какъ обезьяны, не водятся въ населенныхъ турками странахъ, Шаваннъ отвѣчаетъ на это, что уже въ I в. по Р. Хр. въ Индіи, гдѣ обезьяны водятся, правилъ «турецкій царь Канишка», при чемъ очень вѣроятно, что и до него тамъ были «князья, извѣстные подъ названіемъ индоскиѣскихъ, или другіе турецкіе государи»⁷. Въ настоящее время мнѣніе о турецкомъ

¹ ВЕЕО, III, 342.

² Confucius, 833 сл.

³ ВЕЕО, III, 551.

⁴ Ср. слова нѣмецкаго арабиста Беккера (Der Islam, V, 92) о «Rassenpsychologische Tatsachen», какъ «der tiefste Grund für die ganz andersartige Lösung des Agrarproblems» въ мусульманскомъ мірѣ, чѣмъ въ европейскомъ.

⁵ Rêve de gloire brutale (JA, 9, XIV, 384).

⁶ Influence de la race turque établie au nord de l'Indus (ВЕЕО III, 386).

⁷ T'oung Pao 2, VII, 122.

происхожденіи Канишки и вообще такъ называемыхъ индоскискихъ царей (самъ Шаваннъ считалъ терминъ «индоскины» неподходящимъ¹, но не замѣнилъ его другимъ) можетъ считаться окончательно опровергнутымъ.

Предвзятое мнѣніе о вліяніи расовыхъ свойствъ не воплотѣ, однако, опредѣлило взглядъ Шаванна на исторію Китая, которая разсматривалась имъ не какъ исторія одной расы, но какъ часть исторіи человѣчества. Возражая противъ мнѣнія Ренана, что для міровой исторіи въ сущности имѣеть значеніе только исторія Греціи, евреевъ и Рима, Шаваннъ доказываетъ, что нельзя понять исторію человѣчества безъ изученія такой ея части, какой является Китай. Помимо оказывающихся все болѣе многочисленными и важными точекъ соприкосновенія китайской культуры съ культурами другихъ странъ поучительны также примѣры «глубокой аналогіи» между культурами Запада и независимой отъ нихъ культурой Дальняго Востока. Составленіе исторіи Китая кажется ему «одной изъ величайшихъ и прекраснѣйшихъ задачъ, которыя еще остается выполнить наукѣ». Шаваннъ понималъ, что выполненіе этой задачи будетъ возможно только для будущихъ поколѣній; «мы можемъ только сѣять», замѣчаетъ онъ, «другіе соберутъ жатву»². Подобно нѣмецкому синологу Хирту³, Шаваннъ считалъ необходимымъ замѣну экстенсивнаго способа работы, свойственнаго «прежней синологіи» (*ancienne sinologie*), интенсивнымъ; по его словамъ, необходимы монографіи, необходимо при изученіи каждаго вопроса собирать и полностью переводить, въ хронологическомъ порядкѣ, точно датированные тексты⁴. Шаваннъ имѣлъ счастье, даже помимо своихъ собственныхъ многочисленныхъ трудовъ, до нѣкоторой степени видѣть исполненіе своихъ желаній. Въ началѣ XX в. возникъ первый европейскій изслѣдовательскій институтъ, въ области гуманитарныхъ наукъ, на Дальнемъ Востокѣ, французская школа въ Сайгонѣ, впослѣдствіи перенесенная въ Ханой, уже въ первые годы своей дѣятельности поставившая себя, по словамъ Шаванна, на одинъ уровень съ учрежденіями той же націи въ Аѳинахъ, Римѣ и Капрѣ, имѣвшими за собой долгое и славное прошлое. Изъ трудовъ представителей этой школы Шаваннъ отмѣчаетъ, какъ образецъ «строгой точности и хорошаго метода», изслѣдованіе Пельо о царствѣ Фуань⁵. Съ 1904 г. Шаваннъ былъ однимъ изъ редакторовъ

¹ L'empire improprement appelé Indo-scythe (T'oung Pao 2, VIII, 150).

² T'oung Pao 2, IX, 606 сл.

³ Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 4: «Die intensive Arbeitsmethode, die ich von jeher für die Sinologie in Anspruch genommen habe».

⁴ JA, 10, II, 529.

⁵ JA, 10, II, 258.

издающагося въ Парижѣ (хотя печатающагося въ Лейденѣ) международнаго органа синологіи «Тунъ-бао». На страницахъ этого органа онъ съ тѣхъ поръ печаталъ большую часть своихъ работъ, рѣже прежняго помѣщая статьи въ общемъ органѣ французскаго ориентализма, Journal Asiatique, хотя принималъ дѣятельное участіе въ жизни издающаго этотъ органъ французскаго «Азіатскаго Общества» и съ 1894 г. былъ его секретаремъ. На страницахъ «Тунъ-бао» онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай привѣтствовать обогащеніе синологіи новыми трудами и новыми дѣятелями, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Масперо, успѣли еще при жизни Шаванна вполне оправдать возлагшіяся на нихъ надежды. Считая необходимымъ отмѣчать каждый успѣхъ науки, Шаваннъ помѣстилъ на страницахъ Тунъ-бао и другихъ научныхъ органовъ большое число рецензій, часто строгихъ, хотя всегда благожелательныхъ, но среди его трудовъ нѣтъ ни одного отвѣта на рецензію, ни одной полемики. Разумѣется, онъ не останавливался передъ признаніемъ собственныхъ ошибокъ; такъ въ работѣ о манихеяхъ, изданной имъ въ 1913 г. вмѣстѣ съ Пельо¹, указывается на полную несостоятельность прежняго мнѣнія Шаванна, высказаннаго въ 1897 г., что подъ мо-ни китайскихъ источниковъ слѣдуетъ понимать не манихеевъ, но мусульманъ². Охотно отзываясь на просьбы другихъ изслѣдователей, Шаваннъ неоднократно выполнялъ для чужихъ трудовъ работу, требовавшую специальныхъ познаній синолога, переводилъ и объяснялъ китайскіе тексты и документы, собиралъ извѣстія изъ китайскихъ источниковъ.

Одновременно съ успѣхами изученія письменныхъ источниковъ предметомъ изысканій ученыхъ, по замѣчанію Шаванна, наконецъ сдѣлалась и археологія Китая. Шаваннъ выражаетъ надежду, что и въ этой области изслѣдованія установятся правильная научная работа, и что прежнія соображенія общаго характера будутъ замѣнены выводами, основанными на достаточномъ числѣ фактовъ, хорошо засвидѣтельствованныхъ и точно определенныхъ во времени и въ пространствѣ³. Неблагопріятнымъ для науки обсто-

¹ Un traité manichéen retrouvé en Chine. JA, 10, XVIII, 499—617; 11, I, 99—199, 261—394. Ср. особенно 11, I, 373 «cette assertion . . . ne tient pas contre les témoignages anciens et formels dont nous disposons aujourd'hui».

² Le Nestorianisme et l'inscription de Kara-Balgassoun, JA 9, IX, 43—85, особенно p. 79: «aucun texte chinois ne nous permet de supposer que les Mo-ni soient des manichéens; nous savons, au contraire, que, dès l'époque des Song, l'expression «religion de Mo-ni» désignait l'islamisme». Въ противоположность этому, Шаваннъ писалъ еще въ 1900 г. (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 302 сл.), что прибывшій въ Китай въ 719 г. астрономъ Та-моу-че былъ «prêtre d'une religion qui paraît être le manichéisme».

³ T'oung Pao 2, IX, 528.

ятельствомъ является сравнительно позднее происхожденіе дошедшихъ до насъ памятниковъ, не находящееся въ соотвѣтствіи съ древностью китайской культуры. Древнѣйшіе извѣстные намъ памятники китайской скульптуры, изслѣдованные Шаванномъ въ 1890 г., относятся ко II в. по Р. Хр., и даже съ этого времени мы не имѣемъ непрерывной традиціи; пробѣль обнимаетъ два вѣка, III и IV; къ V вѣку относятся древнѣйшія изъ буддійскихъ скульптуръ въ проходѣ Лунь-мынь²; съ VIII и IX вв. памятники становятся болѣе многочисленными. Къ IX в. относятся древнѣйшіе памятники въ эпиграфическомъ музеѣ города Си-ань-фу, извѣстномъ подъ названіемъ «лѣса стель». На этихъ стелахъ, между прочимъ, былъ вырѣзанъ текстъ 12-ти классическихъ книгъ (Шаваннъ доказываетъ, что стелы имѣли вліяніе на изобрѣтеніе книгопечатанія)³; болѣе позднія стелы того же музея сохранили намъ древнѣйшія дошедшія до насъ произведенія китайской картографіи⁴, относящіяся къ XII в., хотя по литературнымъ свѣдѣніямъ карты были въ Китаѣ уже въ III в. до Р. Хр.; Пэй-сю, отецъ научной китайской картографіи, жилъ въ III в. по Р. Хр.⁵.

Утрата древнѣйшихъ археологическихъ и эпиграфическихъ памятниковъ отчасти возмѣщается тѣми сборниками надписей, которые издавна составлялись въ Китаѣ. Тѣ же сборники и комментаріи къ нимъ являются необходимымъ пособіемъ при разборѣ надписей. Въ этой области изслѣдованія еще болѣе, чѣмъ въ области изученія литературныхъ памятниковъ, сказываются преимущества той начитанности, которой обладаютъ туземные ученые и которую почти невозможно пріобрѣсти въ такой же степени синологу-европейцу. Одна изъ статей Шаванна⁶ посвящена поддѣльной надписи; эстампажи, по его словамъ, были предложены ему въ трехъ городахъ, Тай-ань-фу, Си-ань-фу и Тай-юань-фу, но о мѣстѣ находенія надписи давались сбивчивыя свѣдѣнія; по проверкѣ оказалось, что поддѣльщикъ (рѣшившійся на такое дѣло исключительно ради денежной выгоды) воспронизвелъ въ иска-

¹ JA 9, II, 145 сл. Результатомъ этой экспедиціи былъ трудъ *La sculpture sur pierre en Chine au temps des deux dynasties Han*; въ этой же статьѣ JA (въ годовомъ отчетѣ за 1892—3 гг., составленномъ Дармстетеромъ) выражена надежда, что этотъ трудъ «fera de l'archéologie et de l'épigraphie chinoise une branche indépendante de la sinologie». Тамъ же говорится, что трудъ о китайской культурѣ a contribué à ouvrir à son jeune auteur les portes du Collège de France.

² T'oung Pao 2, IX, 527.

³ JA 9, XX, 7. О памятникахъ въ проходѣ Лунь-мынь, *ibid.* 133—158.

⁴ О нихъ см. статью Шаванна въ ВЕЕО, III, 214—247.

⁵ *Ibid.* 241: père de la cartographie scientifique en Chine.

⁶ JA, 10, XI, 501—10.

женномъ видѣ одну изъ надписей прохода Лунъ-мынь, при чемъ, однако, въ одномъ случаѣ, что не могло быть сдѣлано европейскимъ ученымъ, далъ правильное чтеніе сильно поврежденнаго и трудно поддававшагося разбору текста. Такимъ образомъ въ Китаѣ и археологія не могла бы сдѣлаться, какъ въ Индіи, европейской наукой по преимуществу, въ которой европейскіе ученые могли бы подчинить своему руководству представителей туземной ученой традиціи.

Примѣненіе европейскихъ методовъ изслѣдованія болѣе всего необходимо при разсмотрѣніи вопроса о вліяніи на Китай иноземныхъ культуръ, объ иноземномъ происхожденіи нѣкоторыхъ изъ тѣхъ культурныхъ явленій; въ которыхъ китайское преданіе видитъ отголосокъ мѣстической древности самого Китая, и о степени успѣха въ позднѣйшемъ историческомъ Китаѣ иноземныхъ идей, въ томъ числѣ проникавшихъ въ Китай съ юга и съ запада міровыхъ религій. По поводу трудовъ своего предшественника Деверіа, Шаваннъ отмѣчаетъ вліяніе этой религіозной пропаганды, посредствомъ которой «въ древнюю имперію» медленно, капля за каплей, просачивались «идеи и страсти, захватывающія сердца и умы народной толпы и грозящія когда нибудь разрушить устарѣлое зданіе конфуціанской морали»¹. Шаваннъ въ своихъ трудахъ останавливался особенно подробно на путешествіяхъ буддійскихъ паломниковъ изъ Китая въ Индію, съ чѣмъ былъ связанъ переводъ на китайскій языкъ буддійскихъ священныхъ книгъ, «одно изъ великихъ событій эволюціи идей въ міровой исторіи»². Одинъ изъ паломниковъ, сочиненія которыхъ были переведены Шаванномъ, И-цзинъ, принесъ священныя книги изъ Индіи въ Китай морскимъ путемъ, вообще имѣвшимъ довольно большое значеніе въ исторіи торговыхъ и культурныхъ сношеній Китая съ Индіей и Персіей³; тѣмъ не менѣе Шаваннъ нѣсколько односторонне связывалъ какъ проникновеніе въ самый Китай мадеизма, христіанства и манихейства и въ пограничныя съ Китаемъ области ислама, такъ и возрожденіе въ Китаѣ буддизма съ караванными путями черезъ Среднюю Азію и съ турецкими кочевыми имперіями VI—VIII вѣковъ⁴. О болѣе древнихъ культурныхъ связяхъ Шаваннъ высказалъ свое мнѣніе по поводу статьи проф. Конрада о вліяніи Индіи на Китай въ IV в. до Р. Хр⁵. Шаваннъ считаетъ несомнѣннымъ самый фактъ ранняго вліянія на Китай

¹ JA, 9, XIV, 386.

² ВЕЕО, III, 385 сл.

³ Cp. Chau ju-Kua, transl. by Fr. Hirth and W. W. Rockhill, 9.

⁴ Documents sur les Tou-kie occidentaux, 303.

⁵ ZDMG, LX, 335—351.

иноземной культуры, но, по его мнѣнію, неправильно приурочивать это вліяніе къ какому-нибудь одному источнику, будь ли то Халдея, какъ хотѣлъ доказать Теръень де-Лакуперп, или Индія, какъ доказывалось въ статьѣ проф. Конради. «Дѣйствительность безконечно болѣе сложна, чѣмъ могло бы показаться по этимъ упрощающимъ системамъ (systemes simplistes); на ряду съ астрономическими и хронологическими познаніями, происходящими, повидному, изъ древней Халдеи, мы наблюдаемъ въ Китаѣ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ заимствованій, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ даосизмъ, припесены изъ Индіи, другія, какъ гамма Пифагора, обнаруживаютъ греческое происхожденіе, третьи, какъ изображеніе скачущаго коня на шань-дунскихъ барельефахъ и животный циклъ, идутъ отъ турокъ, четвертые вышли изъ ахеменидской Персіи. Кто хочетъ опредѣлить ходъ возникновенія и развитія китайской цивилизаціи, долженъ тщательно различать эти разнообразныя вліянія»¹. Но для историка важнее не столько вопросъ о первоначальномъ происхожденіи тѣхъ или иныхъ культурныхъ элементовъ, сколько вопросъ о тѣхъ путяхъ, которыми они проникли въ Китай. Историческія извѣстія, повидному, указываютъ на Индію, какъ на страну, ранѣе другихъ имѣвшую культурное общеніе съ Китаемъ; вполне возможно, что то, что исходило изъ Халдеи, Греціи или ахеменидской Персіи, проникло въ Китай только черезъ посредство Индіи. ✕

Торжество западной религіозной пропаганды и паденіе устарѣлой системы Конфуція казались Шаванну необходимымъ условіемъ присоединенія Китая къ общечеловѣческой культурной жизни. Въ то же время имъ вполне сознавалась трудность этой задачи; по его словамъ, написаннымъ въ 1903 г., за 2380 лѣтъ, прошедшихъ со времени смерти Конфуція, его авторитетъ, можетъ быть, никогда не пользовался такимъ уваженіемъ, какъ въ наши дни². Мнѣніе китайцевъ о современныхъ европейцахъ вполне соотвѣтствуетъ, по словамъ Шаванна, отзыву о западныхъ народахъ писавшаго въ V в. по Р. Хр. Фань-Ъ, автора «Исторіи младшихъ Хань»: религія излишня для Китая, у котораго есть наставленія Конфуція, но нужна народамъ Запада, у которыхъ этихъ наставленій нѣтъ; «если отнять у нихъ ихъ религію, о чемъ имъ тогда будетъ заботиться и чѣмъ они будутъ сдержаны»³?

Работы Шаванна о сношеніяхъ Китая съ Западомъ во многомъ соприкасались съ работами русскихъ ученыхъ; къ сожалѣнію, въ синологіи

---

¹ T'oung Pao 2, VII, 402 сл.

² Revue de Paris 1903, февр., 827.

³ T'oung Pao 2, VIII, 221.

не было почти никакого общенія между представителями русской и западноевропейской науки, къ явному ущербу для обѣихъ сторонъ. Какъ отмѣтилъ одинъ изъ спеціалистовъ на страницахъ органа русскаго востоковѣднiя, наши ученые, «создавъ вполнѣ самостоятельно русскую науку китаевѣднiя, очень мало интересовались тѣмъ, что дѣлалось въ этой области на Западѣ»¹. Еще меньше интересовались на Западѣ работами русскихъ синологовъ. Для Шаванна написанное на русскомъ языкѣ какъ бы не существовало, что пришлось отмѣтить² даже по поводу работы, представленной въ 1900 г. Академія Наукъ и напечатанной въ ея изданiяхъ въ 1903 г. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1907 г., Шаванномъ былъ напечатанъ переводъ главы о западномъ краѣ изъ «Исторiи младшихъ Хань»; въ предисловіи сказано, что свѣдѣнiя изъ этой главы приводились многими учеными, но полнаго перевода никѣмъ сдѣлано не было³; между тѣмъ въ русской синологической литературѣ такой переводъ существуетъ съ 1852 г.⁴ Только въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ, исполненной въ сотрудничествѣ съ Пельо⁵, Шаваннъ, благодаря этому сотруднику, могъ принять во вниманiе и русскіе труды.

Военныя событія послѣднихъ лѣтъ не отвлекли знаменитаго синолога, находившагося въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, отъ привычныхъ занятій. Въ «Тунъ-бао» за 1916 г.⁶ имъ помѣщена работа о царствахъ Ву и Юе (IX—X в.в.), въ которой приведены новые факты по исторiи китайскихъ вѣрованiй и религіозныхъ обрядовъ⁷; рассказъ о вооруженной борьбѣ съ рѣчнымъ духомъ при постройкѣ плотины въ 910 г. позволилъ установить, что въ Китаѣ еще въ X в. по Р. Хр. сохранялись очень древнiя религіозныя вѣрованiя, напоминающія рассказъ Иліады о борьбѣ Ахилла съ Ксаномомъ и рассказъ Геродота о наказанiи Ксерксомъ Геллеспонта⁸. Авторъ предполагалъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ того же журнала помѣстить статью о религіозныхъ обрядахъ даосистовъ въ томъ же X в. Упоминается о томъ значенiи, которое имѣли царства Ву и Юе въ исторiи китайскаго

¹ ЗВО, XV, 047.

² Ibid. 0174.

³ T'oung Pao 2, VIII, 151 сл.

⁴ Гакинель, Собраніе свѣдѣнiй о народахъ обитавшихъ въ Средней Азiи въ древнiя времена, III, 100—189.

⁵ Un traité manichéen etc. (ср. выше, стр. 1772, прим. 1).

⁶ T'oung Pao 2, XVII, 129—264.

⁷ Ibid. 140: récit qui nous ouvre des aperçus nouveaux sur les croyances religieuses des Chinois.

⁸ Ibid. 249 сл.

буддизма, также пользовавшегося покровительствомъ обладателей этихъ царствъ; относительно подробностей Шаваннъ отсылаетъ читателя къ отчету Масперо о его археологической экспедиціи въ провинцію Чжэ-цзянъ и къ обѣщанному гѣмъ же ученымъ болѣе подробному труду на ту же тему¹. Преждевременная смерть Шаванна, несомнѣнно, лишила науку ряда цѣнныхъ работъ, которыя были бы исполнены покойнымъ синологомъ какъ собственными силами, такъ и въ сотрудничествѣ съ товарищами по спеціальности.

Непрерывная работа и почти непрерывное научное творчество, вотъ о чемъ прежде всего думаешь, когда вспоминаешь о Шаваннѣ. И не потому, что онъ написалъ много книгъ и много статей; можно, навѣрное, назвать рядъ ученыхъ, написавшихъ и напечатавшихъ больше, чѣмъ онъ, а потому, что у Шаванна именно восприниманіе и претвореніе въ собственномъ созиданіи были какъ-то поразительно соединены. Я хорошо сознаю, что эти слова могутъ быть приняты, какъ чрезвычайно отрицательная характеристика именно ученаго, потому что какъ иначе характеризовать скороспѣлые выводы, какъ не немедленное созиданіе изъ только что воспринятаго? Это было бы дѣйствительно справедливо, если бы рѣшающимъ моментомъ въ творествѣ не была личность, именно самъ воспринимающій и творящій; отъ того, кто онъ, и зависитъ положительное или отрицательное въ томъ, что я сказалъ. У Шаванна былъ именно этотъ ясный, методическій умъ, всегда готовый при воспріятіи отдѣлить немедленно существенное отъ несущественнаго, безъ потери времени, безъ лишннихъ справокъ. Несомнѣнно, что такой складъ ума создаетъ и большія опасности на пути изслѣдованія: опасность не достаточно цѣнить сложность изслѣдуемыхъ явленій, не сумѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ уловить ту грань, гдѣ различіе количественное переходитъ уже въ качественное, рождая, такимъ образомъ, новые процессы, которые мы обязаны принять во вниманіе. Въ этомъ, конечно, и лежитъ всегда причина успѣха или неуспѣха научнаго изслѣдованія—въ пониманіи изслѣдователемъ того, что можетъ и должно быть отброшено, какъ именно для даннаго случая или вопроса несущественное, и того, что должно непремѣнно быть учтено. Какъ часто мы видимъ, что неопытному или неудачному изслѣдователю необходимою акрибіею представляется то, что на самомъ дѣлѣ — ненужная, а значить обыкновенно и вредная для научной работы мелочь. А съ другой стороны мы часто видимъ, что существенное оставляется въ сторонѣ и считается ненужною мелочью.

---

¹ Ibid. 140 сл.

Шаваннъ обладалъ въ широкой мѣрѣ этимъ пониманіемъ различія между нужнымъ и ненужнымъ при изслѣдованіи; въ значительной степени это, разумѣется, было результатомъ его громаднѣхъ знаній и поразительной начитанности, но въ гораздо большей мѣрѣ характерной особенностью его ума; я бы сказалъ особенностью специально французскаго, выдающагося ума.

Въ связи съ этимъ я бы поставилъ и другую характеризующую Шаванна черту: его пониманіе необходимости тѣснаго и постояннаго сотрудничества различныхъ научныхъ дисциплинъ, вредъ для правильнаго развитія науки отъ крайней индивидуализаціи отдѣльныхъ ученыхъ. Опъ съ удивительной чуткостью понималъ, что если отдѣльные міровые гении и могутъ и даже иногда должны идти своимъ одинокимъ путемъ, чтобы ихъ исключительно драгоценное время не затрачивалось на то, что не нужно непосредственно для ихъ великаго творчества, для ихъ гениальныхъ обобщеній, то даже для большихъ ученыхъ такое обособленіе, такое одиночество только вредно, какъ для общаго развитія науки, такъ и для нихъ самихъ. Необыкновенный ростъ науки въ XIX столѣтіи сдѣлалъ совершенно необходимыми организацію и планомерность въ научной работѣ, и тѣ дисциплины, которыя еще недостаточно восприняли эту, казалось бы, самоочевидную истину, являются уже въ настоящее время отсталыми.

Мы видимъ, что Шаваннъ съ рѣдкимъ пониманіемъ научныхъ потребностей своего времени и среды, въ которой работалъ, рядомъ съ чисто личною работою, въ томъ направленіи, которое ему представлялось отвѣчающимъ научнымъ запросамъ его специальности—синологіи, велъ рядъ изслѣдованій совмѣстно съ другими специалистами—индіанистами, туркологами и др. Тѣ, кто имѣлъ счастье лично знать Шаванна, помнятъ, съ какимъ поразительнымъ вниманіемъ онъ относился ко всякому научному запросу, предъявленному къ нему, какъ къ синологу, какъ только видѣлъ, что запросъ связанъ съ опредѣленною работою. Нерѣдко бывало, что изъ такихъ отвѣтовъ на запросы вырастало изслѣдованіе, ибо, повторяю, у Шаванна созиданіе было всегда близко къ восприниманію.

Таковымъ мнѣ представляется общій обликъ Шаванна какъ ученаго; перейду теперь къ его работамъ въ тѣхъ областяхъ, о которыхъ я считаю себя компетентнымъ судить, его изслѣдованіямъ въ области буддизма и искусства Дальняго Востока.

Начатое въ свое время В. П. Васильевымъ изслѣдованіе китайскихъ и тибетскихъ источниковъ буддизма, продолженное для тибетскихъ источниковъ Шифнеромъ, получило надлежащее развитіе лишь въ концѣ XIX сто-

лѣтія, при чемъ мы имѣемъ право сказать, что этому возбужденію интереса къ такъ называемому сѣверному буддизму много способствовала книга И. П. Минаева о буддизмѣ, давшая обстоятельную критику такъ называемаго палийскаго теченія въ изслѣдованіи ученія Будды и указавшая на его односторонность. Въ Парижѣ въ научномъ кружкѣ, въ центрѣ котораго стоялъ С. Леви, ученый, совершенно исключительно разносторонній и даровитый, этотъ интересъ къ изученію такъ называемаго сѣвернаго буддизма принялъ форму систематическаго изслѣдованія, изданія и перевода первоисточниковъ. Шаваннъ горячо примкнулъ къ работѣ своихъ товарищей и обратилъ свое вниманіе на китайскихъ паломниковъ буддистовъ. Выборъ его, чрезвычайно удачный, палъ на сочиненіе китайскаго паломника VII вѣка И-цзиня¹, давшаго рядъ біографій своихъ современниковъ монаховъ-паломниковъ; это почти все лица неизвѣстные или малоизвѣстные и, можетъ быть, именно потому они даютъ намъ такое превосходное понятіе объ этомъ блестящемъ періодѣ буддизма, какъ міровой религіи. За этой книгой послѣдовалъ переводъ Сун-юна (VI в.)², У-куна³ (VIII в.) и изданіе и разборъ буддйскаго эпиграфическаго матеріала въ Будда-Гаѣ, относящагося, главнымъ образомъ, къ XI вѣку⁴, очень цѣнные указанія на оживленіе сношеній буддйскаго Китая съ Индіей въ періодъ, когда буддизмъ уже угасалъ на своей родинѣ.

Изъ цѣлаго ряда работъ, посвященныхъ буддизму и написанныхъ, въ большинствѣ случаевъ, въ сотрудничествѣ съ С. Леви, мы отмѣтимъ одну изъ послѣднихъ, обстоятельно трактующую любопытный вопросъ о серіи 16—18 архатовъ. Вопросъ изученъ съ тѣмъ исключительнымъ знаніемъ первоисточниковъ, который присущъ обоимъ названнымъ ученымъ, и раскрываетъ интересную страницу буддйскаго культа, бросаая вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ на запутанный вопросъ о буддйскихъ канонахъ и канонѣ.

Чрезвычайно характерно, какъ Шаванномъ, вмѣстѣ съ С. Леви, было использовано объясненіе нѣкоторыхъ специальныхъ терминовъ монастырскаго обихода⁶ для того, чтобы показать глубокіи внутренній переворотъ въ буддй-

¹ Les religieux éminents qui allèrent chercher la Loi dans les pays d'Occident... par I-tsing. Paris 1894.

² BEFEO III, 379—441.

³ L'itinéraire d'Ou-K'ong par MM. Sylvain Lévi et Éd. Chavannes. JA. 1895.

⁴ Les inscriptions chinoises de Bodh-Gaya. P. 1896. RHR, XXXIV. I.

⁵ Les seize arhats protecteurs de la loi JA, 11. VIII. 1—50. 189—304 (1916).

⁶ Quelques titres énigmatiques dans la hiérarchie ecclésiastique du bouddhisme indien. JA, 11. V. 193—223 (1915).

ской общинѣ въ связи съ переменною взгляда на собственность. Изъ другихъ статей укажемъ на замѣтку въ связи съ открытіями въ Восточномъ Туркестанѣ¹ и на статью о буддійскихъ храмахъ².

Но самымъ крупнымъ трудомъ въ области буддизма является превосходный переводъ цѣлаго ряда рассказовъ изъ китайскихъ буддійскихъ сборниковъ. Эти три большихъ тома составляютъ драгоценнѣйшій вкладъ въ изученіе сложнаго міра буддійской легенды; четвертый томъ остался не-напечатаннымъ, хотя и долженъ былъ выйти въ 1911 году. Изъ личныхъ бесѣдъ съ Шаванномъ я знаю, что онъ отложилъ изданіе примѣчаній, которыя должны были составить этотъ томъ, желая ихъ значительно расширить, особенно въ области чисто буддійской.

Не менѣе значительнымъ является вкладъ Шаванна въ дѣло изученія китайскаго и буддійскаго искусства и археологіи. О его трудѣ по ханьской скульптурѣ уже было сказано выше В. В. Бартольдомъ. Замѣчательныя находки Штейна въ той области, которая являлась китайскимъ limes, нашли себѣ достойнаго истолкователя въ лицѣ Шаванна. Это были древнѣйшія изъ до сихъ поръ извѣстныхъ китайскихъ бумажныхъ рукописей, древнѣйшія бумажныя рукописи вообще, такъ какъ онѣ относятся ко Швѣку по Р. Х.; найденные съ ними документы на деревѣ еще древнѣе и относятся къ I в. до Р. Х. Они такимъ образомъ имѣютъ первостепенное значеніе для исторіи китайской письменности и съ этой точки зрѣнія они всесторонне изучены Шаванномъ, снабдившимъ свою книгу цѣнными снимками. Но эти документы имѣютъ и большой историко-бытовой интересъ, ибо они даютъ картины жизни гарнизоновъ на далекихъ окраинахъ Китая двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Для тѣхъ, кто видѣлъ развалины этихъ сторожевыхъ башенъ «дуновъ» въ пустынѣ, работа Шаванна особенно привлекательна своимъ историческимъ комментариемъ и любопытными иллюстраціями изъ историческихъ и литературныхъ памятниковъ; Шаваннъ заставляеть ожить эти листки и деревяшки, записанныя сухими административными замѣтками военнаго или продовольственнаго характера, удачнымъ подборомъ литературныхъ ссылокъ; какъ краснорѣчивы, напр., эти слова знаменитаго Ли-бо (VIII в.):

¹ Ressemblances entre un sūtra du Tripitāka chinois et un texte sanscrit publié par M. Stöckner (высѣтъ съ С. Леви). JA, 10. V. 139.

² Quelques temples bouddhiques de la Chine septentrionale 10. XII. 7.

³ Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitāka chinois et traduits en français. Paris 1910—1911, 3 voll.

⁴ Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental publiés et traduits. Oxford. 1913.

«На высокой сторожевой башнѣ въ эту ночь

Не прекращаются вздохи воиновъ изгнанныхъ».

Набѣгъ—и сколько изъ этихъ воиновъ погибнетъ, а въ родномъ, далекомъ Китаѣ и не будутъ знать, что ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, тѣхъ, чьи трупы лежатъ на пескѣ пустыни.

По богатству комментарія и по тщательности изданія эта книга Шаванна особенно цѣнна и приходится пожалѣть, что она пока еще мало использована.

Шаваннъ не дожидъ до изданія всего текста къ великолѣпнымъ альбомамъ его археологической экспедиціи въ Китай. Мы не знаемъ, что сохранилось для этого въ его матеріалахъ, но надѣемся, что спутникъ его В. М. Алексѣевъ найдетъ возможность, съ своей стороны, издать свой дневникъ, веденный имъ во время экспедиціи Шаванна. Изданные альбомы по богатству новаго археологическаго и эпиграфическаго матеріала исключительно цѣнны, они являются новымъ этапомъ въ исторіи изученія китайской древности.

Длинный рядъ статей въ редактированномъ Шаванномъ журналѣ «*T'oung Pao*» говоритъ намъ о многихъ вопросахъ китайскаго искусства: къ искусству Шаваннъ подходилъ болѣе всего съ точки зрѣнія теоріи, онъ мало довѣрялъ своимъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ, будучи по природѣ скорѣе всего человѣкомъ разсудка. Несравненный знатокъ Китая, онъ во всемъ, что имъ написано по китайскому искусству, знакомитъ насъ съ китайскимъ пониманіемъ этого искусства. Кромѣ указанныхъ статей особенно важно помѣщенное имъ въ изданіи нашего соотечественника Голубева «*Ars Asiatica*».

Чрезвычайно характерно для всей работы Шаванна и для того, что онъ сдѣлалъ въ синологіи, является то обстоятельство, что объ его работахъ имѣютъ полное право говорить и не синологи, настолько широко была поставлена Шаванномъ его научная работа; онъ безусловно одинъ изъ главныхъ вождей той новой школы китаевѣдѣнія, которая исходитъ изъ основнаго положенія, чуждаго старой школѣ, что китаецъ мыслитъ какъ всякій другой человѣкъ и что въ тѣхъ случаяхъ, когда его слова звучатъ для насъ непонятно, виновато не его особое мышленіе, а виновато только наше непониманіе истиннаго значенія его словъ; душа китаецъ, можетъ быть, и иная во многомъ чѣмъ наша душа, какъ на это указано выше со ссылкой на Шаванна, но умъ китаецъ, конечно, все тотъ же — человѣческой умъ. Новая школа, однимъ изъ главныхъ вождей которой мы безусловно должны

признать Шаванна, наша доступъ за эту «Китайскую стѣну» непониманія Китая, въ созданіи которой былъ больше виноватъ западъ, чѣмъ востокъ, и въ этомъ вѣчная заслуга передъ наукою такихъ людей какъ Эдуардъ Шаваннъ, павшій жертвой своей преданности наукѣ, работать на которую онъ не хотѣлъ перестать даже тогда, когда настоятельно необходимъ ему былъ отдыхъ. Молодое поколѣніе синологовъ пойдетъ по путямъ, проложеннымъ Шаванномъ, и откроетъ наконецъ тотъ истинный, великій своею культурою Китай, безъ знанія котораго, какъ Шаваннъ справедливо утверждалъ, нельзя понять исторіи человѣчества. Шаваннъ скромно говорилъ про себя, что только сѣть сѣмена; нѣтъ сомнѣнія, что научная жатва этого посѣва будетъ велика и обильна.
